

УДК 81.367.7
DOI 10.17223/18137083/72/17

Особенности выражения модальности в библейских переводах XVI в., созданных на территории Великого княжества Литовского

А. А. Кожина

*Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь*

Аннотация

Рассматриваются особенности выражения некоторых модальных значений в масоретском тексте книги Бытия при помощи частиц и специальной конструкции *infinitivus absolutus*, служащей для выражения модальности в древнееврейском, и способы перевода на славянские языки в библиях XVI в., созданных на территории Великого княжества Литовского. Для анализа привлекаются также данные LXX, Вульгаты и чешской Венецианской библии. Делается вывод о том, что переводчики в большинстве случаев пренебрегали точным представлением модальной семантики, в лучшем случае обращая внимание на формальные показатели ее выражения.

Ключевые слова

модальность, древнееврейский язык, славянские языки, библейские переводы XVI в.

Для цитирования

Кожина А. А. Особенности выражения модальности в библейских переводах XVI в., созданных на территории Великого княжества Литовского // Сибирский филологический журнал. 2020. № 3. С. 216–228. DOI 10.17223/18137083/72/17

Features of expression of modal meanings in 16th-century biblical translations created on the territory of the Grand Duchy of Lithuania

A. A. Kozhinowa

*Belarusian State University
Minsk, Belarus*

Abstract

The paper deals with the features of expression of some modal meanings in the Masoretic text of the book of Genesis by means of particles and the special construction of *infinitivus absolutus*, which serves to express modality in Hebrew. The ways of translating into Slavic languages in 16th-century bibles created on the territory of the Grand Duchy of Lithuania are considered as well. The data from classical translations – LXX, the Vulgate, and the Czech Venetian Bible – are also used for analysis. The particles were chosen because they are

© А. А. Кожина, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 3
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 3

desemantized and do not make considerable changes in the semantics of sentences, but merely specify them. The *infinitivus absolutus* constructions are a means of expressing modal semantics. They are absent in Slavic languages and require understanding and special translation efforts from the translator. It is concluded that even the translator dealing with sacred texts corrects modal semantics and changes the formal means of its expression, indicating that the modality is understood as a category of a special kind, with unclearly defined borders and a diverse and non-rigid set of means of expression. The analysis of translated texts made using various original texts shows that translators while trying to preserve the spirit and letter of the original or authoritative translation (the Masoretic text, Church Slavonic translation, the Venetian Bible, the Vulgate), nevertheless, consider modality to be a category that can be easily sacrificed in translation, by changing or even eliminating the modal meaning.

Keywords

modality, Hebrew, Slavic languages, biblical translations of the 16th century

For citation

Kozhinowa A. A. Features of expression of modal meanings in 16th-century biblical translations created on the territory of the Grand Duchy of Lithuania. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 3, p. 216–228. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/72/17

Введение

Можно приводить различные дефиниции модальности, констатирующие ее основные категориальные и функциональные свойства: модальность – это одна из центральных категорий мышления и языка, существенный признак каждого высказывания, лингвистическая универсалия, модальность ищет средства своего выражения на всех языковых ярусах и т. д. Как большинство основных и первичных языковых категорий, связанных непосредственно с мышлением, модальность до сих пор не получила четкого и однозначного определения.

Все это оправдывает создание новых методик исследования, позволяющих с различных сторон взглянуть на рассматриваемое явление.

Одна из таких методик может заключаться в сравнении модальных значений и средств их выражения в оригинальном и переводных текстах. Как известно, категория модальности играет в языке роль инструмента для отражения действительности через человеческое сознание и порожаемое им высказывание. Так, еще А. В. Бондарко писал о том, что «общеизвестна характеристика модальности как устанавливаемого говорящим отношения содержания высказывания (его пропозитивной основы) к действительности» [Теория функциональной грамматики..., 1990, с. 59], замечая при этом, что «формулируемое таким образом понимание модальности весьма неопределенно» [Там же].

В случае существования нескольких версий одного и того же текста – оригинала и переводов – проблема еще более усложняется, поскольку перед нами предстает одна и та же действительность. Какое, однако, число говорящих ее оценивает? Что влияет на выражение модальных значений в тексте перевода и на выбор переводчиком тех или иных средств выражения этих значений? Для переводчика действительность, репрезентируемая оригиналом, в лучшем случае виртуальна. Он попадает в ситуацию «возможных миров». Единственная существующая для него реальность – сам текст оригинала. Нельзя, однако, в данном случае представить переводчика слепым копиистом, отражающим заложенную без его участия оценку реальности. Нельзя хотя бы потому, что модальность относится, скорее, не к грамматическим категориям, регулярно выражаемым в языковых формах,

а к так называемым категориям понятийным, которые не только отличаются разнообразным и разноуровневым диапазоном значений, но и не имеют устойчивого и одновариантного выражения в пределах языка. Здесь же речь идет по крайней мере о двух языковых системах, нередко кардинально различающихся между собой. Далее, между оригиналом и переводом, а также между различными переводчиками пролегает не только пространственно-временная граница, но и различие в целях, задачах, переводческой тактике и идеологии. В связи с этим возникает несколько вопросов, например: какие модальные значения вплетаются в структуру того или иного текста; как соотносится репертуар средств выражения одного и того же модального значения в различных языках?

Для рассмотрения некоторых из заявленных положений, и прежде всего того, насколько точно модальность оригинального текста представляется в тексте переводном, был предпринят анализ перевода на славянские языки двух средств, связанных с выражением субъективно-модальных значений в библейском иврите, – модальных частиц и конструкций с участием абсолютного инфинитива. Первые были выбраны по причине своей асемантичности, благодаря которой они не вносят резких изменений в семантику предложения, а лишь уточняют ее. Как утверждал В. В. Виноградов, «многие модальные частицы являются результатом семантического “усыхания”, или опустошения, слов» [1975, с. 77]. Можно предположить, что по этой причине они кажутся переводчикам той сущностью, которую, в отличие от знаменательных слов, просто можно не заметить. Конструкции же *infinitivus absolutus* являются средством выражения модальной семантики, отсутствующим в славянских языках, следовательно, требующим от переводчика понимания и специальных переводческих усилий.

Материал для анализа предоставили переводы XVI в., сделанные на землях Великого княжества Литовского. Сравнение этих переводов интересно тем, что в это время и на этой территории наблюдалось языковое и конфессиональное разнообразие. Последнее могло повлиять на характер перевода тем образом, что обусловило выбор первоисточника, с которого этот перевод производился. Это польские библейские версии – протестантская Брестская (Радзивилловская) Библия (1563), создатели которой, по их собственному утверждению, использовали тексты на классических языках – древнееврейском, греческом и латинском; также переведенная преимущественно с древнееврейского Библия антитринитария Сымона Будного (1570–1572), изданная в Несвиже. Церковно-славянскую традицию представил текст Острожской Библии И. Федорова (1581), опирающийся вслед за Геннадиевской библией на версию LXX по венецианскому изданию 1518 г. (Альдинская Библия) и перевод Франциска Скорины¹ (1517–1591), основанный на чешской Венецианской библии и, возможно, на Геннадиевской, перевод, в котором церковно-славянский эталон подвергся сильному влиянию так называемой *простой мовы*. Для сравнения также использовался русский Синодальный перевод (1876).

Выражение модальной семантики при помощи модальных частиц и особенности их перевода

В стихе Быт. 18.13 (תָּלַד אֶת־אִשְׁתִּי וְאֶת־בְּנֵי אֶרֶץ־כְּנָעַן, ср. в Синодальном переводе: *неужели я действительно могу родить*) имеются два показателя модальности: וְאֶת־ – форма

---

¹ Несмотря на то что перевод был издан в Праге, белорусский первопечатник создавал его для верующих на территории Slavia Orthodoxa, прежде всего жителей ВКЛ.

служебной частицы ׀, имеющая в данном контексте значение ‘разве, неужели’ [Brown et al., 1952, p. 65], которая служит для выражения значения проблематической достоверности, а также ׀ – орфографическая вариация ׀, наречие, присутствующее только в вопросительных предложениях для представления истинности – ‘правда, истинно, действительно’. В переводе Острожской Библии, а также у Будного основная структура высказывания сохранена, ср.:

Ostrog. – *аще право рожду;*
Bud. – *czyli prawdziwie rodzić będą*².

И в том, и в другом случае тексты содержат союзы, вводящие вопросы, в том числе риторические, – *czyli* [SP, Zasób elektroniczny 1] и *аще* [СлРЯ, 1975, с. 60], что позволяет передать значение древнееврейского масоретского текста, а также модальные слова (*право, prawdziwie*).

В переводе Брестской Библии появляется дополнительный показатель модальности – глагол *mieć*, который в языке XVI в., как и в современном польском, обладал модальным значением:

Radz. – *izali to pewna żebych miała rodzić.*

Его функцию здесь можно определить следующим образом: «в риторическом вопросе предвосхищает отрицательный ответ» [SP, Zasób elektroniczny 2], по сути дела, усиливая элемент проблематичности истины, выраженный союзом.

Версия же Франциска Скорины, наоборот, элиминирует подтверждение истинности:

Skor. – *Едали баба суцу рожу.*

В этом исключении белорусский первопечатник, как представляется, идет за Венецианской Библией, ср.:

Ven. – *Zdaliž baba glucy roditi budu.*

Однако у Скорины слово, формирующее вопрос, содержит значение проблематической достоверности (*едали* – ‘неужели’ [ГСБМ, 1989, вып. 9, с. 152], в то время как в чешском переводе присутствует только вопросительная частица *zdali* [Bělič et al., 1979, s. 439].

Как известно, проблематическая достоверность предполагает оценку говорящим ситуации с возможностью двоякого развития событий, однако ближайший контекст всегда уточняет эту оценку или как надежду, или как опасение. Именно такая оценка выражается и частицей ׀ ‘если нет; следовательно, возможно, если так, может быть, возможно, разве что’ [Gesenius, 1882, с. 22], например, в стихе Быт. 27.12: ׀ אילי ימשני אבי (ср. в Синодальном переводе: *может статься, оцупаает меня отец мой*).

Ближе всего подошли к передаче этой семантики переводчики Радзивилловской Библии, поскольку здесь используется частица *snadź* с соответствующим значением ‘быть может, случаем’ [SS, 1977–1981, s. 326]:

Radz. – *y snadź się mnie dothknie ojciec moy.*

---

² Здесь и в дальнейшем при передаче переводов Сымона Будного и Радзивилловской Библии применяется транскрипция типа В.

А вот Симон Будный несколько изменил модальную семантику фрагмента, используя частицу *nuż*, которая вносит в контекст поощрение к дальнейшему действию [ESJP, *Zasób elektroniczny*], по сути, предполагая позитивное развитие событий:

Bud. – *a nuż się mnie dotknie ojciec mój.*

В Острожской же Библии указывается, скорее, на нежелательное развитие событий:

Ostrog. – *егда обещеть ма оць мои,*

поскольку частица *егда* в этом контексте имеет значение ‘что если, а вдруг’ [СлРЯ, 1978, вып. 5, с. 13]. Такая семантика закладывается греческим текстом LXX – в данном случае переводится греч. μή ποτε (μή ποτε ψηλαφήση με ό πατήρ μου), где эта семантика задается частицей μή «со смыслом колебания, запрещения, отклонения или предотвращения» [Дворецкий, 1958, с. 1089].

Сравнение перевода Франциска Скорины

Skor. – *Егда dotkнется отец мой мене и познает*

с Острожской и Венецианской Библией (Ven. *Dotekliby Je otecz moy mnie a porozumielby*) показывает, что в представлении модальности Скорина берет за образец ту версию, которую использовали и создатели Острожской Библии, поскольку в чешском переводе значение проблематической достоверности выражается грамматически – кондиционалом.

Для представления еще одного модального значения – волеизъявления в его оптативной реализации, используются иные средства, в частности частица *къ*, вносящая значение просьбы или наставления [Brown et al., 1952, p. 609], как в следующем фрагменте: *יְהִי כְּשֶׁ־לְךָ אֲנִי־אֵבֶד* (Быт. 16. 2; ср. Синодальный перевод: *войди же к служанке моей*).

В Радзивилловской Библии и у Симона Будного это значение реализуется достаточно точно при помощи императивного междометия *proszę*, ср.:

Radz. – *A tak, proszę, wnidź do mej służebnice;*

Bud. – *Wnidź proszę do niewolnice mojej.*

В переводе Франциска Скорины, как и в Венецианской Библии (Ven. *Wegdiż k děvce mě*), остается грамматический императив, усиливаемый частицей, служащей для эмоционального подчеркивания:

Skor. – *Вниди жъ к рабе моеи.*

В тексте же LXX для представления используется частица *οὕν* (εἴσελθε οὕν προς τήν παιδίσκην μου), которая в данном контексте выступает как «частица заключительная: *итак, таким образом, следовательно*» [Вейсман, 1899, с. 911], и, соответственно, не формирует модального значения, полностью соответствующего значению масоретского текста.

В Острожской Библии греческая частица передается при помощи слова *оубо*, также имеющего значение ‘итак, в таком случае’ [Срезневский, 1912, с. 1112].

Ostrog. – *въниди оубо къ рабъ моеи и родиши w(m) неа.*

Поскольку *ουβο* также может выражать значение побуждения, можно предположить, что в данном контексте реализуется и модальное значение исходного текста.

Можно привести и другие примеры того, как переводчик иного времени корректирует текст. Так, из переводов исчезает частица *יָ*, употреблявшаяся после клятвы или присяги для обозначения уверенности говорящего в истинности своих слов, – исчезает сама культура клятвы, характерная для древнего общества, ср. 42.15: *אֲבִיבֶנָּה לֹא יֵצֵא מִן־הַיָּדָיִם לֹא יֵצֵא מִן־הַיָּדָיִם לֹא יֵצֵא מִן־הַיָּדָיִם* (в Синодальном переводе: *клянусь жизнью фараона, вы не выйдете отсюда*). Подобная частица (*νή*) еще сохраняется в тексте LXX (*νή τήν ὑγίειαν Φαραω οὐ μή ἐξέλθῃτε ἐντεῦθεν*), но в тексте Острожской Библии ее уже нет:

Ostrog. – *тако ми здраву фараона, не изыдите w(m)сюду.*

Подобная структура высказывания сохраняется и у Франциска Скорины, ср.:

Скор. – *Тако ми здравил фараонова, иже невынидете ѿселе,*

который в данном случае ориентировался на церковно-славянский образец, а не на перевод Венецианской Библии, где представлено следующее:

Ven. – *Skrze zdravij faraona newýgdete odsud.*

Можно предположить, что первопечатника смутил предлог, представляющий рассматриваемую модальную частицу, который используется с аккузативом и имеет значения ‘благодаря, при помощи’ и под. [Bělič et al., 1979, s. 352]. Как представляется, этот предлог появился в чешском тексте в соответствии с Вульгатой, где читаем: *per salutem pharaonis, non egrediemini hinc*. В данном случае, как и в масоретском тексте и LXX, *per* выступает как элемент, использующийся при клятвах и просьбах [Дворецкий, 2000, с. 564], однако оно также может иметь значение ‘благодаря, вследствие, при помощи’, что и нашло отражение в переводе.

Перевод с учетом иного значения оригинальной частицы имел место и в польских версиях. Симон Будный, старавшийся соблюдать структуру древнееврейского текста, постарался сохранить и этот его формальный элемент, но перевел его первичное значение – значение условного союза (‘если’), нарушив при этом синтаксическую структуру высказывания:

Bud. – *żywie faraoh iesli wynidźiecie stąd.*

Подобным образом поступили и переводчики Брестской Библии, также обращавшиеся к древнееврейскому оригиналу, ср. *iż* ‘если’:

Radz. – *niech tak farao żywie / iż z tąd nie wynidźiecie.*

Как видно, при переводе древнееврейских частиц, выражающих в тексте модальные значения, во многих случаях происходит трансформация семантики, нередко приводящая к полной элиминации модальности.

Выражение модальной семантики при помощи конструкции *infinitivus absolutus* и особенности перевода конструкции

Если непосредственное выражение модальной семантики при помощи частиц с соответствующим значением встречается при переводе ряд трудностей, приводящих к расхождению между переводными текстами, то еще больше трудностей

вызывает ее неявное выражение. Речь идет о древнееврейской конструкции, в состав которой входит абсолютный инфинитив (*infinitivus absolutus*). Как отмечают исследователи, «в своих многочисленных употреблениях в библейском иврите абсолютный инфинитив может выступать как интенсификатор смыслового глагола, служить в качестве слова-команды или функционировать как личная форма глагола» [Waltke et al., 1990, p. 581]. При этом две первые функции, как правило, выполняют конструкции, состоящие из абсолютного инфинитива и спрягаемой формы однокоренного глагола (см., в частности, [Blau, 2010, p. 215]). В данном случае, безусловно, можно говорить о выражении модальных значений, причем достаточно разнообразных – как необходимости, так и возможности или долженствования [Зиновкин, 2017, с. 110–111].

Так, *infinitivus absolutus*, например, представлен в стихе Быт. 44.15: $\text{וַיִּשָּׂא} \text{וַיִּשְׂכַּח}$ – дословно ‘предсказывая, предскажет’ или ‘безусловно предскажет’. В данном случае в тексте выражается значение категорической достоверности, ср. в Синодальном переводе – *Иосиф сказал им: что это вы сделали? разве вы не знали, что такой человек, как я, конечно угадает?* Здесь, как мы видим, этимологическая фигура была утрачена. Исчезала она и в большинстве древних переводов, при этом может утрачиваться и сама модальная семантика, ср. в церковно-славянском тексте Острожской библии, ср.:

Ostrog. – *не вѣсте ли ако нѣсть вражбитъ члѣкъ акоже азъ.*

В данном случае перевод не соответствует и оригиналу LXX, в котором этимологическая фигура сохраняется: $\text{\textcircled{O}ti\ \textcircled{o}i\omega\nu\textcircled{\iota}\sigma\textcircled{\iota}\mu\textcircled{\omega}\ \textcircled{o}i\omega\nu\textcircled{\iota}\epsilon\textcircled{\iota}\tau\textcircled{\alpha}}$. Такие конструкции, состоящие из глагола и существительного, как правило, в дативе, широко распространены в греческом переводе как соответствие др.-евр. абсолютному инфинитиву [Тов, 1999].

Модальная семантика отсутствует также в переводе Франциска Скорины и Венецианской библии:

Skor. – *Едали невесте иже несть мне равнаго вовмении гаданиа;*

Ven. – *Čili newijte / že nenij mně rowneho w uměnij hadačiuow.*

В Радзивилловской же библии представлено иное модальное значение:

Radz. – *у zasz niewiecie iżem ia też iest ieden wieszczek.*

Здесь ее носителем является форма *jeden*, выступающая в функции «эмфатической и подчеркивающей положительный или отрицательный характер существительного либо действительность какого-либо лица или факта: *действительно, в самом деле*» [SP. Zasób elektroniczny 3].

Однако ни один из этих переводов не передает структуру оригинального текста. Формально ближе всего к ней подошел Будный, который представил ее, введя в текст свою этимологическую фигуру:

Bud. *Izali niewiecie iż gadajęc zgadnąć może mąż który jako ja (jest).*

Но, сохранив форму переводимого текста (а Будный, как известно, переводил по принципу «слово в слово»), он утратил семантику, поскольку подобные этимологические фигуры в славянских языках утратили модальное значение, ср., например, характеристику А. А. Зализняком подобных конструкций в «Слове о полку Игореве»: «...прием соединения однокоренных слов для достижения большей вы-

разительности автору СПИ (Слова о полку Игореве. – А. К.) хорошо знаком и использован им неоднократно» [Зализняк, 2004, с. 257].

Дублетная конструкция представляет *infinitivus absolutus* в другом стихе, в этом случае уже как в LXX, так и в Библии И. Федорова – 31.30, ср.:

LXX – $\nu\tilde{\nu}\nu$ οὖν πελόρευσαι ἐπιθυμία γὰρ ἐπεθύμησας ἀπελθεῖν εἰς τὸν οἶκον τοῦ πατρὸς σου

Ostrog. – *помышлениемъ бо помысли w(m)umi въ домъ w(m)ца твоего.*

При этом в масоретском тексте обнаруживаем: $\text{הָתַסְכָּה הָתַסְכָּה}$ ‘тоскуя (желая) ты тосковал (желал)’.

Сохраненная в Острожской библии конструкция не несет никакой специальной семантической нагрузки, тем более она не связана с выражением модальных значений. Переводчики Радзивилловской библии предложили смысловое дублирование, однако потеряли характерное для *infinitivus absolutus* единство корня, ср.:

Radz. – A teraz oto, gdyż odchodził, a z wielką *chucią kwapił się do domu oycy swego.*

Семантика желательности представлена также в переводе Франциска Скорины и тексте Венецианской библии, однако корневое или семантическое дублирование здесь утрачивается полностью:

Skor. – *Косвоимъ восхотель еси поуми, и пожадал в дом ѡца твоего;*

Ven. – *Gdy k swym gijti chtěl / a žadostiwý byli geft tobě Dúm Otce tweho.*

Действительно, при переводе трудно сохранить подобное дублирование. Так, в Библии Будного повторяемость корней не учитывается в самом тексте, но отмечается на маргиналиях, причем переводчик увидел здесь то, чего не заметили другие, а именно две формы *infinitivus absolutus*, ср.:

Bud. – *Ale niech: to poszedleś / że cię było = tęskno do domu oycy twego (= właśnie / A teraz idąc poszedleś żeś tęską tęsknił do domu).*

Конструкция *idąc poszedleś* соответствует обороту הָלַךְ הָלַךְ ‘идя, пошел’. Следует сказать, что еще одним доказательством того, что *figura etymologica* в славянских языках не передает модальных значений, является ее элиминация из этого фрагмента перевода Будного (как видим, она осталась только в примечании на полях) в пользу конструкции повелительного наклонения со служебной частицей *niech*.

Infinitivus absolutus представлен и в стихе 24.5: $\text{אָרְבֵּיבְיָב אָרְבֵּיבְיָב}$, досл. ‘возвращая вернуть сына твоего’ (ср. соответствие в Синодальном переводе с модальностью необходимости: *должен ли я вернуть сына твоего в землю, из которой ты вышел?*).

В переводах же XVI в. встречаем разные варианты представления рассматриваемого фрагмента. С формальной точки зрения снова наиболее близок к оригиналу перевод Симона Будного:

Bud. – *izali odwodząc odwiodę sina twojego do ziemie sktoreieś wyszedł.*

Однако здесь подобная конструкция, как уже говорилось, не может служить для выражения модальных значений хотя бы по той причине, что она не является типичной и регулярной для польского языка.

Индикативную форму будущего времени встречаем в тексте Септуагинты (Fut. I) (ἀποστρέψω τὸν υἱόν σου εἰς τὴν γῆν ὅθεν ἐξῆλθες ἐκεῖθεν;), при этом составитель дипломатического издания LXX [Septuaginta, 1979, vol. 1, p. 23] полагает это предложение вопросительным, о чем свидетельствует специальный знак в конце его, хотя в самом предложении отсутствуют грамматические показатели вопроса. В Острожской же Библии такой показатель появляется, ср.:

Ostrog. – *обращу ли снѧ твоего въ землю w(m) неаже изыде ты.*

Подобное использование вопросительных слов наблюдаем и в Радзивилловской Библии:

Radz. – *izali zaprowadze syna twego do ziemie z ktoreyeś wyszedł.*

Возможно, поскольку «имплицитно субъективная модальность содержится в каждой вопросительной конструкции» [Рагозина, 2009, с. 93], переводчики посчитали подобное представление достаточным для выражения модального значения масоретского текста.

А в переводе Скорины и Венецианской Библии появляется и дополнительный модальный показатель – форма глагола *имати / mīt*:

Skor. – *Еда **ума(м)** сына твоего вовесть на место с него же вышоль еси;*

Ven. – *Zdalíž za'e uwel'ti **mám** hyna twého na mi'to z ktorehož gty ty wy^{ll}lel.*

Основой подобного перевода служит текст Вульгаты, где представлен глагол *debeo* ‘быть должным’: *num reducere debeo filium tuum ad locum illius filium meum.*

В форме *infinitivus absolutus* стоит и предикат следующего др.-евр. высказывания (19.9) – *וְיִשָּׁפֵט וְיִשְׁפֹּט* ‘судя судить’ (ср. Синодальный перевод: *вот пришлец, и хочет судить?*).

Интересным образом представлены модальные значения в тексте LXX: *ἐῖς ἧλθες παροικεῖν μὴ καὶ κρίσιν κρίνειν ὑῶν*. В этом случае переводчик передал формальную структуру оригинального текста при помощи *figura etymologica*, однако модальное значение, как представляется, передается не этой конструкцией, а формой инфинитивного отрицания – *μὴ... κρίνειν* ‘не судить’: это модальность волеизъявления – жесткий запрет реализации действия или процесса.

В Острожской Библии сохраняется форма греческого текста, однако вряд ли можно говорить о сохранности модальной семантики, которая могла быть выражена независимым инфинитивом, поскольку инфинитивная форма связана с *verbum finitum* (перфектной формой):

Ostrog. – *прише(л) еси сѣмо, оу на(с) обитати, а не суда судити.*

Подобный процесс наблюдаем и в Библии Симона Будного – структурное соответствие древнему тексту (*figura etymologica*) при индикативной грамматической форме, в данном случае форме будущего времени:

Bud. – *(ten) sam przyszedł pomieszkać (z nami) a sądy sądzić będzie.*

Вульгата дает следующий перевод, где выражается сомнение говорящего в утвердительном ответе – *ut advena numquid ut iudices* ‘как пришелец, неужели как судья?’.

Венецианская Библия, вводя негацию, элиминирует модальную семантику:

Ven. – *W^{ll}el gfy ^lem yako po ho'tinu neaby rozkazował;*

а у Скорины представлено субъективно-модальное значение желательности:

Skor. – *Приишол еси кнамъ якобы гость и ныне хоцещи судити насъ.*

Наконец, в Радзивилловской библии при помощи формы глагола *mieć* представлена модальная семантика долженствования:

Radz. – *izasz on ma nas sądzić.*

Заключение

Все сказанное выше демонстрирует переводческий субъективизм и некоторую условность в выражении рассматриваемых значений. Переводчик, даже имеющий дело с сакральными текстами, корректирует модальную семантику и меняет формальные средства ее выражения. Это, как представляется, является свидетельством в пользу понимания модальности как категории особого рода, не грамматической, а, скорее, понятийной – с нечетко очерченными границами и разнообразным и нежестким набором средств выражения. Более того, анализ переводных текстов, сделанных с использованием различных оригиналов, показывает, что переводчики, стараясь сохранить дух и букву оригинала или авторитетного перевода (Будный и брестские переводчики – масоретского текста, Острожская библия – LXX, Скорина – церковно-славянского перевода в отдельных случаях и Венецианской Библии, а та, в свою очередь, Вульгаты), тем не менее, считают модальность категорией, которой можно без особых проблем пожертвовать в переводе, изменив или вообще элиминировав модальное значение.

Список литературы

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах // Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике: избранные труды. М.: Наука, 1975. С. 53–87.

Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М.: Языки славянской культуры, 2004. 352 с.

Зиновкин А. Древнееврейский язык. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2017. 216 с.

Рагозина Е. В. О составе модальных значений и особенностях их реализации в вопросительных предложениях // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 89–93.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб.: Тип. Имп. АН, 1912. Т. 3. 1684 с.

Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. 264 с.

Bělič J., Kamiš A., Kučera K. Malý staročeský slovník. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1979. 444 s.

Blau J. Morphology and Phonology of Biblical Hebrew: An Introduction // Linguistic Studies in Ancient West Semitic. Winona Lake, Indiana, 2010. Vol. 3. 384 p.

Brown F., Driver S. R., Briggs C. A. Hebrew and English Lexicon of the Old Testament / Corrected by G. R. Driver. Oxford: Oxford University Press, 1952. 1152 p.

Waltke B. K., O'Connor M. P., O'Connor C. An Introduction to Biblical Hebrew Syntax. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 1990. 765 p.

Gesenius W. Hebrew and Chaldee Lexicon to the Old Testament Scriptures. 23 ed. Boston: Houghton, Cambridge, 1882. 919 p.

Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes. Duo volumina in uno / Ed. by Alfred Rahlfs. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1979. Vol. 1. 1184 p.; Vol. 2. 941 p.

Tov E. Renderings of Combinations of the Infinitive Absolute and Finite Verbs in the Septuagint—their Nature and Distribution // *The Greek and Hebrew Bible. Collected Essay on the Septuagint.* Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. P. 247–256. (Supplements to Vetus Testamentum Vol. 72)

Список источников и словарей

Вейсман А. Греческо-русский словарь. СПб.: Изд. автора, 1899. 1370 ст.
ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Гл. рэд. А. І. Жураўскі. Мінск: Навука і тэхніка, 1989. Вып. 9.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 2000. 846 с.

Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. Т. 2. 860 с.

СЛРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1978. Вып. 5.

Bud. – *Biblia, to iest księgi Starego i Nowego przymierza z nowu z ięzyka ebrejskiego, greckiego, lacińskiego prełożona z predmową S. Budnego, jako tłumacza.* Nieśwież, 1570; Zasław, 1570–1572.

Ostrog. – *Библія.* Острого, 1581.

Radz. – *Biblia Święta, to iest księgi Starego y Nowego Zakonu własnie z żydowskiego, greckiego i lacińskiego na polski język z pilnością i wiernie wyłożone.* Brześć Litewski, 1563.

Skor. – Бивлія Руска. *Факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю ў 1517–1519 гг.* Мінск, 1991. Т. 3.

Ven. – *Biblij Česká W Benátkach tisstěná.* Venezia, 1506.

ESJP – Elektroniczny słownik języka polskiego XVII i XVIII wieku. Zasób elektroniczny. URL: https://sxvii.pl/index.php?strona=haslo&id_hasla=13241&forma=NUŻ#13241 (accessed: 11.09.2019).

SP – Słownik polszczyzny XVI w. Wersja elektroniczna. Zasób elektroniczny 1. URL: <http://spxvi.edu.pl/indeks/haslo/47810/>; Zasób elektroniczny 2. URL: <http://spxvi.edu.pl/indeks/haslo/66191#znaczenie-261/>; Zasób elektroniczny 3. URL: <http://spxvi.edu.pl/indeks/haslo/55819#znaczenie-30/> (accessed: 10.09.2019).

SS – Słownik staropolski / Red. S. Urbańczyk. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1977–1981. Т. 8.

References

Bělič J. Kamiš A. Kučera K. *Malý staročeský slovník* [Small Old Czech Dictionary]. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1979, 444 p.

Blau J. Morphology and Phonology of Biblical Hebrew: An Introduction. In: *Linguistic Studies in Ancient West Semitic. Vol. 3.* Winona Lake, Indiana, 2010, 384 p.

Brown F., Driver S. R., Briggs C. A. *Hebrew and English Lexicon of the Old Testament.* G. R. Driver (Corr.). Oxford, Oxford University Press, 1952, 1152 p.

Gesenius W. *Hebrew and Chaldee Lexicon to the Old Testament Scriptures.* 23 ed. Boston, Houghton, Cambridge, 1882, 919 p.

Ragozina E. V. O sostave modal'nykh znacheniy i osobennostyakh ikh realizatsii v voprositel'nykh predlozheniyakh [On the composition of modal values and the features of their implementation in interrogative sentences]. *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*. 2009, no. 1, pp. 89–93.

Sreznevskiy I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. T. 3* [Materials for the Dictionary of the Ancient Russian Language on Written Texts. Vol. 3]. St. Petersburg, Tip. Imp. AN, 1912, 1684 p.

Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes. Duo volumina in uno. Alfred Rahlfs (Ed.). Stuttgart, Deutsche Bibelgesellschaft, 1979, vol. 1, 1184 p., vol. 2, 941 p.

Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost' [Theory of functional grammar. Temporality. Modality]. A. V. Bondarko (Ed.). Leningrad, Nauka, 1990, 264 p.

Tov E. *Renderings of Combinations of the Infinitive Absolute and Finite Verbs in the Septuagint-their Nature and Distribution*. In: *The Greek and Hebrew Bible. Collected Essay on the Septuagint*. Leiden, Boston, Köln, Brill, 1999 (Supplements to Vetus Testamentum Vol. 72). 247–256.

Vinogradov V. V. O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh [On the category of modality and modal words]. In: Vinogradov V. V. *Issledovaniya po russkoy grammatike: izbrannyye Trudy* [Studies on Russian grammar: selected works]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 53–87.

Waltke B. K., O'Connor M. P., O'Connor C. *An Introduction to Biblical Hebrew Syntax*. Winona Lake, Indiana, Eisenbrauns, 1990, 765 p.

Zaliznyak A. A. "Slovo o polku Igoreve": *Vzglyad lingvisty* ["The Tale of Igor's Campaign": The view of a linguist]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 352 p.

Zinovkin A. *Drevneyevreyskiy yazyk* [Hebrew]. St. Petersburg, SPbPDA, 2017, 216 p.

List of sources and dictionaries

Bivlia Ruska. Faksimil'nae žyžnāyenne Biblii, vydadzenay Frantsyskam Skarynayu ŷ 1517–1519 gg. [The Russian Bible. Facsimile reproduction of the Bible published by Francis Skaryna in 1517–1519]. Minsk, 1991, vol. 3.

Biblia Święta, to iest księgi Starego y Nowego Zakonu własnie z żydowskiego, greckiego i łacińskiego na polski język z pilnością i wiernie wyłożone [The Holy Bible, is the oldest book of the Old Order from the Jewish, Greek and Latin to the Polish language with diligence and faithfulness]. Brześć Litewski, 1563.

Biblia, to iest księgi Starego i Nowego przymierza z nowu z ięzyka ebrejskiego, greckiego, łacińskiego prełożona z predmową S. Budnego, jako tłumacza [The Bible, the first book of the Old and New Covenant from the new Hebrew, Greek and Latin languages, with the preface of S. Budny as a translator]. Nieś-wież, 1570; Zasław, 1570–1572.

Bibliya [The Bible]. Ostrog, 1581.

Biblij Česká W Benátkach tisst'ená. Venezia, 1506.

Dvoretzkiy I. Kh. *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian dictionary]. Moscow, Rus. yaz., 2000, 846 p.

Dvoretzkiy I. Kh. *Drevnegrechesko-russkiy slovar'* [Ancient Greek-Russian dictionary]. Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovarye, 1958, vol. 2, 860 p.

Elektroniczny słownik języka polskiego 17 i 18 wieku. Zasób elektroniczny [Electronic dictionary of Polish language of the 17th and 18th century. Electronic resource.].

URL: https://sxvii.pl/index.php?strona=haslo&id_hasla=13241&forma=NUŻ#13241 (accessed: 11.09.2019).

Gistarychny sloŭnik belaruskay movy [Historical Dictionary of the Belarusian language]. A. I. Zhuraŭski (Ed. in Ch.). Minsk, Navuka i tekhnika, 1989, iss. 9.

Slovar' russkogo yazyka 11–17 vv. [Dictionary of Russian language of the 11th–17th centuries]. R. I. Avanesov (Ed. in Ch.). Moscow, Nauka, 1978, iss. 5.

Słownik polszczyzny 16 w. Wersja elektroniczna [Dictionary of Polish language of the 16th century]. Electronic source 1. URL: <http://spxvi.edu.pl/indeks/haslo/47810/>; Electronic source 2. URL: <http://spxvi.edu.pl/indeks/haslo/66191#znaczenie-261/>; Electronic source 3. URL: <http://spxvi.edu.pl/indeks/haslo/55819#znaczenie-30/> (accessed: 10.09.2019).

Słownik staropolski [Old Polish dictionary]. S. Urbańczyk (Ed.). Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, Zakład Narodowy imienia Ossolińskich Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1977–1981, vol. 8.

Weisman A. *Grechesko-russkiy slovar'* [Greek-Russian Dictionary]. St. Petersburg, author's publ., 1899, 1370 p.

Сведения об авторе

Кожинова Алла Андреевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

kozhinster@gmail.com

ORCID 0000-0002-5498-7037

Information about the author

Alla A. Kozhinova – Doctor of Philology, Professor at the Department of Theoretical and Slavic Linguistics, Belarusian State University (Minsk, Belarus)

kozhinster@gmail.com

ORCID 0000-0002-5498-7037